

УДК 94

Н.А. Токарева

кандидат исторических наук, доцент,

Донской государственной технической университет

Ростов-на-Дону, Россия

tokareva.621@mail.ru

ГОЛОД 1932-1933 ГОДОВ НА УКРАИНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

**[*Tokareva N.A. Famine within 1932-1933s
in the Ukraine and North Caucasus*]**

The article is focused on the famine between 1932-1933s in the North Caucasus and Ukraine. Hunger of 1930s in the Soviet Union was the greatest tragedy in the history of XX century. Soviet historiography of famine in 1930s has not been contacted. During perestroika this issue was raised by writers and publicists. Ukrainian historians declared that if there was a famine in Russia, the Ukraine had a genocide of the Ukrainian people. Russian scientists proved that the famine in the Soviet Union was caused by the grain procurement policy of War Communism. Bread could be taken in the major grain-growing areas. The article also considers hunger in 1930s in the North Caucasus in comparison with the famine in the Ukraine. Hunger between 1932-1933s in the North Caucasus, as well as in Ukraine, was a part of the grain procurement policy of War Communism. But there were features: the North Caucasus was above the resistance level of the Stalinist collectivization and grain procurement policy. Repression in the North Caucasus were not directed against individual peasants and against entire villages, which deported beyond the North Caucasus. Grassroots party organization was not united in this period. Ordinary communists resisted policy of forced collectivization and famine.

Key words: peasant, collectivization, hunger, kulaks, poor people, middle peasants, grain reserves.

Проблема Голода 1932-1933 гг. является одной из самых актуальных в истории XX века в Европе. В советской историографии о голоде не писали. Говорили о продовольственных затруднениях, вызванных «кулацким саботажем». В годы Хрущевской оттепели ряд историков (В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Мошков) поставили под сомнение «кулацкий саботаж» [12]. В годы правления Л.И. Брежнева о голоде 1932-1933 гг. предпочитали вообще не говорить.

В годы перестройки проблема была поднята писателями и публицистами. Украинские историки, много сделавшие для освещения этой проблемы, утверждают, что голод 30-х гг. был геноцидом Украинского народа. Позиция украинских ученых наиболее четко обозначилась в выступлениях С.В. Куль-

чицкого. Он пытался доказать, что на Украине был геноцид украинского народа, тогда как в других районах был голод. По его мнению, на Украине погибло 3 млн человек, в то же время в Поволжье – 300 тыс. человек, приблизительно равном по размерам территории [10]. Западные историки поддержали позицию украинских историков. В конце 80-х гг. в советских журналах была опубликована монография Роберта Конквеста «Жатва скорби и террор голодом» [8]. По мнению Конквеста в период 1932 – 1933 гг. погибло 7 млн человек. На Украине – 5 млн. человек, на Северном Кавказе – 1 млн. человек, в других местах 1 млн. человек [6, с.8]. Целью данной работы является сравнение голода на Украине и на Северном Кавказе.

Первое научное исследование голода на Северном Кавказе осуществлено профессором Осколковым в монографии «Голод 1932/33. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 в Северо-Кавказском крае» [11]. Уже в заглавии работы прослеживается связь голода с хлебозаготовками. До января 1928 г. хлебозаготовки осуществлялись на принципах НЭПа по рыночным ценам. Осуществление хлебозаготовок методами военного коммунизма стало основной причиной голода на Северном Кавказе.

В.В. Кондрашин писал: «Применительно к изучению темы в российских районах первооткрывателем можно считать замечательного ростовского историка Е.Н. Осколкова. На материалах местных архивов он первым дал всестороннюю характеристику ситуации на Дону и Кубани в 1932-1933 гг., показав насильственный характер хлебозаготовок и всего ужаса наступившего в регионах голода [6, ст. 27]. В.В. Кондрашин отметил, что в условиях антикоммунистической теории Е.Н. Осколков заострил внимание на массовых репрессиях в период хлебозаготовок в отношении рядовых коммунистов. Он указал на необходимость учета их в числе жертв голода 1932-1933 гг. и сталинских репрессий. Е.Н. Осколков обратил внимание, что партия в этот период не была едина.

В 2002 г. В.В. Кондрашин совместно с американским профессором Д. Пеннер опубликовал монографию о голоде 1932/33 гг. на материалах Поволжья, Дона, Кубани [7]. В контексте мировой истории рассматривается голод на Северном Кавказе в монографии В.В. Кондрашина: трагедия российской деревни. Рассматривается вопрос об альтернативах сталинскому голоду.

На Северном Кавказе пик голода пришелся на зиму-весну 1933г. Е.Н. Осколков писал: «Пик бедствий, связанных с голодом пришелся на январь-а-

прель 1933 г. Из 75 районов голод охватил 44 района. В феврале 1933 г. Бюро Северо-Кавказского Крайкома было вынуждено признать в своих официальных решениях факты причин голодания в отдельных станицах [11, с. 73]. В.В. Кондрашин отмечал, что в Постановлении бюро Крайкома 22 февраля 1933 г. был признан факт массового распространения эпидемиологических заболеваний, прежде всего сыпного тифа. Рассадником заболевания стали вокзалы, переполненные голодными людьми [6]. В.В. Кондрашин проанализировал секретные материалы из особой папки Крайкома ВКП(б) от 22 февраля 1932г. Голодало 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов. Таким образом, из 75 зерновых районов края голодало население 47 районов, или 63 % [6, с. 172]. По степени тяжести голода Крайком разделил районы на три категории: особо неблагополучные, неблагополучные и прочие. В 13 особо неблагополучных районах вымирало население целых кварталов и городов. Люди теряли рассудок, распространились случаи людоедства и трупоедства [6].

Таким образом, голод охватил не только Украину, но и основные зерновые районы Северного Кавказа. Но голод на Украине начался раньше чем в России. По данным ОГГУ от 1 апреля 1932 г., в ряде населенных пунктах (Харьковской, Киевской, Одесской, Днепропетровской) областей СССР наблюдается продзатруднения и случаи голодания колхозных семейств. Зарегистрировано по неполным данным 83 случая опухания от голода, 6 смертей, питание падалью 12 семейств и случаи оставления детей [13, с 64].

Аналогичные процессы охватили и Северный Кавказ. Из того же документа: «Продзатруднениями охвачено 5районов: Лобинский, Миллеровский, Краснодарский, Тарасовский и Махотеевский. На 1 апреля в этих районах зарегистрировано: смертей от голода – 6, опухания – 6, случаев употребления в пищу падали и суррогатов – 45, заболеваний – 1, случаев покушения на самоубийство – 2, случаев голодающих – 1869 чел.» [13, с. 75].

И.Е. Зеленин ввел в научный оборот уникальный документ: аналитическую справку СПО ОГПУ «О ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в октябре-декабре 1931г. – январе-марте». Документ не оставляет сомнений в том, что уже в конце 1931 г. – весной 1932 в ряде районов страны в первую очередь в Казахстане и Украине наблюдается массовый голод в той или иной мере распространившийся и на другие регионы [4, с.

56]. Следовательно, массовый голод на Украине начался раньше чем в России. Голод способствовал росту массовых выступлений крестьян и казаков против власти. По данным ОГПУ с января по март 1932 массовые выступления охватили 55 тысяч крестьян [4]. На Северном Кавказе наблюдается максимальный рост крестьянских выступлений. И.Е. Зеленин пишет: «Почти половина их (24 тысячи) приходилось на Украину, число которых по сравнению с предшествующим периодом увеличилось более чем в три раза, на Северном Кавказе более чем в четыре раза [4, с. 56]. Но в 1932 г. голод на Северном Кавказе не был массовым. По данным на март 1932 г. В Северо-Кавказском крае «продзатруднениями охвачено 5 районов. Зарегистрированы случаи смерти и опухания от голода, употребление у пищу падали и суррогатов, заболеваний, покушений на самоубийство. Всего голодающих насчитывалось 1869 человек, зарегистрировано 56 массовых выступлений с количеством участников 7 тысяч в двух районах. Ликвидировано 70 кулацких группировок и 3 контрреволюционные организации. Всего голодающих 8331 чел.» [4]. На Украине к августу 1932 г. охвачено 127 районов [4, с. 56].

Голод на Украине начался раньше чем на Северном Кавказе, так как на Украине 1931 год был неурожайным. На Северном Кавказе в 1931 г. урожай был выше на 14 % и составлял 69,7 млн ц, а план был выше 1930 г. на 39,3 % [11].

Хлебозаготовки методами военного коммунизма стали причинами голода как на Украине, так и на Северном Кавказе. Большинство историков считают, что причинами голода была сталинская политика коллективизации и хлебозаготовок. Часть ученых считают, что помимо решения проблем индустриализации, Сталин нанес смертельный удар по крестьянству как классу. В то же время И.Е. Зеленин считает, что голод коснулся четверти крестьянского населения, проживающих в основных зерновых районах. Кроме того, после голода 1932 – 1933 крестьянам разрешили иметь личное подсобное хозяйство.

Российские историки выделяют следующие акции Сталина, которые привели к голоду: закон 7 августа 1932 г., постановление о паспортной системе от 27 декабря 1932 г., директива от 22 января 1933 о запрещении массового выезда крестьян и казаков в центральные районы страны.

Особенностью Сталинской политики на Северном Кавказе в этот период стало выселение целых станиц за пределы края. Численность выселенных крестьян и казаков сопоставима с количеством умерших от голода репрессированных кре-

стьян и казаков. Постановление Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) 2 января 1932 г. известно тем, что в крае была учреждена черная доска, куда записывались целые станицы за явный срыв хлебозаготовок. Этим же постановлением создавался деревенский актив для борьбы с антиобщественными элементами и коммунистами, сомкнувшимися с кулацкими организаторами, контрреволюционного саботажа, как с представителями рабочего класса. [11]. За два месяца хлебозаготовок на черную доску занесли 15 станиц (13 Кубанских и 2 Донских). Л.Коганович пригрозил Кубанскому казачеству поголовным выселением [11].

14 декабря 1932 г. принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области по делу». В этом постановлении было решено выселить жителей станицы Полтавской на Северном Кавказе [11]. Этому решению предшествовала «Справка ОГПУ о предварительных результатах следствия по делу контрреволюционной организации в станице Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края от 25 ноября 1932 года». В документе говорилось, что жители села Полтавская, богатейшей станицы Кубани, всегда боролись против Советской власти, пропагандировали идею создания «Союзов хлебоборов». Кулаки станицы Полтавской вступили в колхоз с целью вредительства [13, с. 227]. 16 декабря 1932 г. крайком принял решение о выселении жителей станицы Полтавской за исключением героев гражданской войны и активистов борьбы с кулачеством [11].

В декабре-январе 1933 г. Северо-Кавказский крайком принял решение о выселении других станиц, занесенных на черную доску. В станицах Полтавской, Медведской и Урупской проживало 47,5 тысяч человек, из них было выслано 45,6 тысяч человек [11]. А всего, по подсчетам профессора Осколкова, к середине января выслано не менее 63,5 тысяч человек. Осколков отметил, что высланные станицы располагались в различных районах Краснодарского края, и высказал мнение, что это была акции устрашения колхозников и единоличников прилегающих районов [11].

Длительное время Советская историография утверждала, что партия всецело поддерживала политику ЦК ВКП(б) в деревне. Е.Н. Осколков первым отметил, что для осуществления своей политики центральному руководству ВКП(б) пришлось укротить сельские парторганизации. Партия в этот период численно увеличилась. Количество сельских парторганизаций увеличилось в 1930-1932 гг. с 50-60 тысяч до 115-120 [11].

Но партия не была едина. Значительная часть коммунистов в 1932 г. выступала вместе с колхозниками и единоличниками в хлебозаготовках. Другая часть бесповоротно поддерживала политику ЦК ВКП(б) в деревне. В ноябре 1932 Крайком принял решение о чистке сельских парторганизаций. В ноябре 1932 – январе 1933 гг. по 169 станицам было исключено из 8458 проверенных коммунистов 44,8% [11].

В декабре 1932 г. Б.Н. Шаболдаев в справке в ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок сообщил, что к 5 декабря 80 % хлеба заготовили. Достигнуто это в результате жестких (скорее жестоких) мер воздействия. Так, на Кубани 70-75 % низовых руководящих работников получили взыскания. Всего же около половины (47%) коммунистов, прошедших чистку, подверглись взысканиям. Исключено из партии в крае 1193 человека, в том числе в ноябре 536 человек. Краевым судом и его выездными сессиями в течение ноября по декрету 7 августа 1932 г. Осуждено 949 человек, из них 175 приговорено к высшей мере (приговоры приведены к исполнению). Показательно, что в числе осужденных кулацко-зажиточные элементы или отнесенные к ним составили 125 человек, то есть 15%. Остальные – колхозники и должностные лица [16].

В январе 1933 г. лидер ростовских коммунистов Б.Н. Шеболдаев на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что исключено примерно 30% членов и кандидатов партии [11]. Голос с места заявил, что этого мало. На что Шеболдаев ответил: «Мы считаем тоже, что мало... Нам придется вычислить до половины и иногда больше» [11, с. 58].

По подсчетам профессора Осколкова, из партийной организации изгнано 40 тысяч человек [11]. Январский 1933 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК оценил ситуацию в стране как обострение классовой борьбы, в которой враги советской власти пытаются развалить колхозы, а виноваты в этом сельские коммунисты [11]. Таким образом, официально приравняли кулаков и сельских коммунистов, зачислив тех и других во враги советской власти.

В постановлении от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» ЦК и СНК по отношению к коммунистам, не одобрявшим линию ЦК ВКП(б) обязал применить суровые репрессии осужденных на 5-10 лет – заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел [11]. Во исполнение этого требования 600 исключенных из партии коммунистов были высланы в северные районы вместе с саботаж-

никами – колхозниками [11]. Следовательно, низовая партийная организация подверглась таким же репрессиям, как и лица, официально зачисленные в кулаки. Так же как и крестьяне-единоличники, коммунисты бежали из края [11]. Е.Н. Осколков делает следующий вывод: «Таким образом, в ходе с Кулацким саботажем краевая партийная организация потеряла не менее 70 тысяч своих членов, то есть более половины. Сельские парторганизации были разгромлены» [11, с. 62]. Следовательно, низовая партийная организация не только не поддержала политику ЦК ВКП(б) в деревне, но и стала жертвой этой политики. На январском 1933 г. Пленуме ЦК ВКП(б) Коганович предложил создать чрезвычайные органы – политотделы МТС и совхозов. Эти политотделы взяли под контроль сельские ячейки колхозов и завершили подчинения колхозов административно-колхозной системе.

Осенью 1932 г. Сталинский Пленум ЦК ВКП(б) одобрил исключение из партии группы Рютина-Слепкова, утверждающей, что насильственная коллективизация деревни путем поборов и хлебазаготовок привела страну к кризису.

Осколков анализирует дело Котова 8 ноября 1932 г. «Молот» сообщил, что Краевой суд приговорил к расстрелу руководителей колхоза им. Первой Красной Армии станицы Отрадной Тихорецкого района за то, что они на трудодень выдали не 491 г зерна, а 1 кг. За это преступление их приговорили 25 октября 1932 г. к десяти годам лишения свободы. Крайком признал приговор слишком мягким. Бюро Крайкома, в особом постановлении, не для печати, рекомендовало заменить лишение свободы расстрелом. А выездная сессия Краевого суда 7 ноября 1932 г. приговорила всех руководителей колхоза к расстрелу. Имя секретаря ячейки Н.В. Котова стало нарицательным. Оно прозвучало на январском 1933 г. Пленуме ЦК ВКП(б). В конце января на объединенном пленуме Крайкома и краевой партийной комиссии дело Котова П.Н. Шеболдаев привел в качестве свидетельства слабости партийных организаций [11].

Полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу заявил, что Котов принадлежал в подпольной организации, создал свою группу и пытался установить связь с эсеровским объединением «Свободных социалистов в Черноморье». Был ли Котов связан с эсерами или нет, неизвестно. Но человека приговорили к смертной казни за то, что он удвоил норму выдачи хлеба на трудодень голодным крестьянам и казакам.

Если раньше для советской власти главным врагом были кулаки или лица, зачисленные в кулаки, то теперь к ним приравнивались коммунисты, которые пытались защитить крестьян и казаков от грабежа и голода.

Таким образом, голод по России и на Украине был вызван одинаковыми причинами – политикой хлебозаготовок методами военного коммунизма. Сталину нужен был хлеб для индустриализации. Хлеб можно было взять в основных зерновых районах, а это Украина и Северный Кавказ. Голод на Украине и в России тщательно скрывался от остального мира. Но были и различия. Массовый голод на Украине начался раньше чем на Северном Кавказе. На Украине голод начался в 1932, а на Северном Кавказе массовый голод начался зимой 1932/33 года. На Северном Кавказе репрессии были направлены не против отдельных крестьян, а против целых сел и станиц. На Северном Кавказе низовая парторганизация активно сопротивлялась сталинской политике хлебозаготовок и коллективизации. В то же время украинскую компартию в этот период называют самой послушной компартией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарев В.А.* Современная модернизация послеоктябрьской деревни Ростов н/Д. 2005.
2. *Горбачев М.С.* Об аграрной политике КПСС в современных условиях / Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева 15 марта.
3. *Зеленин И.Е.* Сталинская революция сверху после великого перелома 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
4. *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.Н., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н.* О голоде 1932-1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история 1994. № 6.
5. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне 1928-1933 М., 2000.
6. *Кондрашин В.В.* Голод 1932-1933гг.: трагедия российской деревни. М., 2008.
7. *Кондрашин В.В., Диана Пеннер Голд* 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани) Солара. Пенза, 2002.

8. *Конвест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир 1998 №10; Он же. Жатва скорби. Реестр голода // Вопросы истории. 1990. №1;4.
9. *Конвест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1989. Родина. 2007. № 8.
10. *Кульчицкий С.В.* Почему он не уничтожил. Киев, 2007 // Родина 2007. №8.
11. *Осколков Е.Н.* Голод 1932-1933. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
12. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963; Советская историческая энциклопедия т. 7. М., 1965; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: документы и материалы 1918-1939. Т.3. 1930-1934. Кн. 2. 1932-1934 / Сост. В. Данилов и другие 2005.
14. *Фицпатрик Шейла.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.
15. *Хрущев Н.С.* Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. М., 1963.
16. *Шеболдаев Б.Н.* Статьи 1932-1933гг. Ростов-на-Дону, 1934.

REFERENCES

1. *Bondarev V.A.* Modern post-revolutionary modernization of the village Rostov-on-Don. 2005.
2. *Gorbachev M.S.* The agrarian policy of the CPSU in modern conditions / Report of the Secretary Gorbachev Gorbachev 15th of March.
3. *Zelenin I.E.* Stalin's revolution from above after the Great Change 1930-1939: policy, implementation, results. М., 2006.
4. *Zelenin I.E., Ivnitiskii N.N., Kondrashin V.V., Shards E.N.* About the famine of 1932-1933. and its assessment in Ukraine // National History 1994. № 6.

5. *Ivnitskii N.A.* The repressive policy of the Soviet power in the countryside 1928-1933, Moscow, 2000.
6. *Kondrashin V.V.* Famine 1932-1933: tragedy of the Russian village. Moscow, 2008.
7. *Kondrashin V.V.*, Diana Penner Gold 1932-1933 in the Soviet countryside (on materials of the Volga, Don and Kuban) Solara. Penza, 2002.
8. *Konvest R.* Harvest of Sorrow. Soviet collectivization and terror famine // New World 1998 №10; He. Harvest of Sorrow. Registry hunger // Questions of history. 1990. №1; 4.
9. *Konvest R.* The Harvest of Sorrow. Soviet collectivization and terror famine. London, 1989. Homeland. 2007. №8.
10. *Kulchitsky S.V.* Why did not he destroyed. Kyiv, 2007 // Homeland 2007. № 8.
11. *Shards E.N.* Famine of 1932-1933. Grain reserves and famine 1932-1933 in the North Caucasus region. Rostov N / A. 1991.
12. Essays on the history of collectivization of agriculture in the Union republics. M., 1963; Soviet historical encyclopedia m. 7. M., 1965; Moshkov Y.A. The grain problem in the years of complete collectivization. M., 1966.
13. Soviet countryside eyes Cheka-OGPU-NKVD documents and materials, 1918-1939. V.3. 1930-1934. Vol. 2. 1932-1934 / Comp. V. Danilov and others in 2005.
14. *Sheila Fitzpatrick.* Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: the village. Moscow, 2008.
15. *Khrushchev N.S.* High ideological and artistic skills – great strength of Soviet literature and art. M., 1963.
16. *Sheboldaev B.N.* Articles 1932-1933. Rostov-on-Don, 1934.

25 ноября 2014 г.